

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

А.Б. Егоров

Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории)

Предполагаемая статья является первой статьей задуманного нами цикла этюдов, входящих в более крупный коллективный проект, посвященный изучению античного полиса и античной демократии, власти народа и его представительных органов. Демократия была всегда тесно связана с республиканским строем, т.е. государственным устройством, власть в котором (хотя бы в теории) принадлежит выборным и обычно – коллегиальным органам. Республика может иметь сильную исполнительную власть, но, наряду с ней, как правило, существует коллегиальный совет или парламент, обычно выполняющий законодательные или контрольные функции.

Соотношение между республиканским и демократическим строем также представляет собой весьма сложную картину. Любая демократия, которая, хотя бы формально основана на власти большинства, равноправии граждан, защищенности их прав и свобод, системе разделения властей и выборности власти, предполагает наличие республиканского устройства, тогда как, напротив, не всякая республика является демократией и может представлять собой государство с олигархическим или аристократическим правлением. Верно и то, что именно демократия является высшей формой развития республики и республиканских принципов.

Элементы республиканских форм управления и даже их демократических вариантов можно обнаружить еще в странах Древнего Востока, однако Восток создал иные принципы (монархию, жестокую централизованную бюрократию и империю). Первым по-настоящему глобальным опытом создания республики, политического плюрализма, гражданских свобод и демократического строя (как в форме прямого, так и в форме представительного народовластия) был греческий полис. Следующим, вторым по счету опытом создания как республиканского, так и отчасти – демократического строя был уже Рим, однако если существование Римской республики не вызывает каких-либо сомнений, то вопрос о римской демократии оставался достаточно сложным.

И республиканское, и демократическое начала в греческих полисах были выражены гораздо более отчетливо, нежели в Риме, а греческая политиче-

ская теория, уже во времена Геродота разработала теорию трех форм государственного устройства (см. напр. *Hdt.*, III, 80 – 86). Если первый из них, монархия, скорее подходил для иностранных общин, ранней греческой истории и политической теории, то собственно греческий мир в основном делился на аристократические (олигархические) и демократические республики. Сам Цицерон считал Афины эталоном демократии (*Cic. De re p.*, I, 27, 43 – 28, 44) и отказывался давать однозначное определение Рима, видя в нем синтез монархии, аристократии и демократии (*Ibid.*, I, 29, 45).

Исследователь Рима находится в более сложном положении, чем исследователь греческой демократии, поскольку вопрос о демократии в Риме представляет собой весьма сложную проблему. Ни сами античные теоретики, ни современные ученые не считают Рим демократическим обществом и, вместе с тем, и те и другие, как правило, не склонны лишать его «демократической составляющей». В чем именно она заключалась, и какова была ее роль в римской «конституции» и римской истории?

Окончательный ответ возможен лишь после тщательного анализа всего, что связано с демократической стороной римской политической структуры. Первым предметом нашего исследования будет оценка места демократии в римской системе, как это виделось античным теоретикам и современным историкам, и именно это будет содержанием данной статьи. Вторым этапом станет рассмотрение роли народного собрания и его формальных и реальных прав и полномочий, а также – демократических элементов в деятельности других элементов римской государственной структуры. Наконец, даже если допустить, что в Риме не было настоящей демократии, в нем, несомненно, существовало демократическое движение, по крайней мере, дважды, в V – IV и конце II – I вв. до н.э., сыгравшее значительную роль в римской истории. В первом случае движение плебеев способствовало созданию республиканского строя, во втором, реформы и деятельность популяров немало способствовали созданию системы Империи.

Период времени от свержения последнего римского царя Тарквиния Гордого (условно – 509 г. до н.э.) до диктатуры Цезаря и принципата Августа именуется эпохой Римской республики. В отличие от опыта Римской Империи, историческая традиция республики была востребована далеко не всегда. История Европы долгое время была историей монархий, начавшейся с варварских королевств V – VIII вв., возникших на развалинах Римской Империи и закончившейся абсолютными монархиями XVI – XVIII вв. и конституционными монархиями последующего времени¹. Рассматривая взгляды одного из

---

¹ Вероятно, исключением может служить итальянский Ренессанс, также создавший республиканские формы власти, и, возможно, не случайно изучение истории республики как системы часто начинают с трудов выдающегося итальянского историка

идеологов просвещенного абсолютизма, Т. Гоббса, немецкий ученый XX века К. фон Фриц подчеркивает преимущественный интерес эпохи Просвещения к монарху и монархии².

Ситуация изменилась во времена буржуазных революций, и особенно – Великой Французской революции, собственно, и создавшей новое значение слова «республика», уже близкое к современному понятию. Римская республика оказала на деятелей революции еще более сильное влияние, чем греческая демократия, а такие консерваторы как Катон и Брут, защищавшие устои республиканской «конституции», стали символами антимонархических революций. Для XIX – XX вв., когда все большее число передовых стран становятся демократическими государствами с республиканской формой правления, опыт одной из древнейших в мире республик становится особенно актуальным.

Сам термин *res publica* не всегда и не во всем соответствует его современному значению. В понимании римлян он означал не республиканский строй или коллегиальное управление, а государство вообще, альтернативой которому является положение *nulla res publica*, т.е. отсутствие государства как такового³. Саллюстий применяет его по отношению к царскому периоду (Sall., Cat., 6), Август в «*Res gestae*» (R.g., 1) сообщает о восстановлении *res publica*, а позже слово фигурирует в надписи на арке Септимия Севера (CIL. VI, 1033).

Вместе с тем, выходя за пределы нашего понимания республиканского строя, *res publica* не доходит до общего понятия «государство». Цицерон обязательно связывает государство с властью народа (Cic. De re p., I, 36, 42) и *libertas*, этим весьма специфическим римским обозначением свободы (Cic. Ibid.; Phil., VI, 19; X, 10), а следовательно, и с республиканским Римом (Liv., II, 1), Тит Ливий называет свержение царской власти «началом римской свободы» (*initium Romanae libertatis* – Liv. II, 1, 1-3; 1, 7-8). В отличие от греческой *ἐλευθερία*, достаточно близкой к современному западному представлению о свободе, римская *libertas* означала право пользоваться теми возможностями, которые предоставляла им римская «конституция»⁴.

Признание, что римская республика является одной из древнейших в истории форм республиканского строя, еще не означает, что мы можем четко обозначить структуру ее управленческой системы. Чем была римская ре-

---

и мыслителя Н. Макиавелли (1469 – 1527). См. напр. *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 24-25; *Lintott A. The crisis of The Republic: sources and source-problems* // САН. 2 ed. Cambridge, 1996. P. 10-11.

² *Фон Фриц К.* Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007. С. 320-324.

³ *Meyer Chr.* *Res publica amissa.* Weisbaden, 1966. S. 1.

⁴ *Hellegouarch J.* *Le vocabulaire latin des relation et des parties politiaques sous la republique.* Paris, 1963. P. 544; 547-558.

спублика и кем она управлялась – народным собранием, магистратами или сенатом? Были ли магистраты наследниками древней царской власти, о чем, не скрывая, пишут и Цицерон (Cic. De leg., III, 6, 8) и Ливий (Liv. II, I, 7-8)? Представляло ли собой это государство «смешанный строй», «систему сдержек и противовесов», «формальную демократию» или «сенатскую республику» и можно ли вообще считать ее республикой, исходя из современных критериев? Что представляли собой магистратский империй, *auctoritas* сената и власть народного собрания и как соотносились они между собой? Конечно, рассмотреть эти вопросы в рамках серии статей оказывается практически невозможным, а потому мы сосредоточим свое внимание на, быть может, наименее исследованной части римской «конституции»⁵ – ее демократической «составляющей». Впрочем, перед тем, как говорить об этой последней, необходимо дать общую характеристику политической системы Римской республики.

Первой теорией римского государства была теория «смешанного государственного строя», разработанная Полибием и Цицероном. Первый из них применил к Риму созданную еще Платоном и Аристотелем греческую классификацию форм государственного устройства, второй, будучи глубоким знатоком политических реалий римской жизни, наполнил ее конкретным римским содержанием. «В государстве римлян, – писал Полибий, – были все три правления поименованные мной выше, причем, все было распределено между остальными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить, аристократическое ли управление было все в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле, если мы сосредоточим внимание на власти консулов, то государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате – аристократическим, если кто-нибудь примет во внимание только положение народа, он признает государство демократией» (Polyb., VI, 11, 11-13).

Каким же образом построено это разделение властей? Консулы в изображении Полибия предстают неким вариантом исполнительной власти: они ко-

---

⁵ Применение слова «конституция» по отношению к Риму весьма условно. В Риме не было конституции как единого Основного Закона в российском или американском понимании, равно как, по всей вероятности, не было и какого-либо разрозненного законодательного блока в понимании английского права. Римский государственный строй во многом основывался на традиции (*mos maiorum*), прецедентном праве (*consuetudo*), а иногда и на сложившейся практике или даже просто реальной ситуации. Учитывая, что русское «конституция» имеет более конкретный смысл, чем английский, немецкий или французский термин, который постоянно используется в зарубежной литературе, мы все же не считаем возможным отказаться от него полностью, но полагаем целесообразным сохранение кавычек.

мандуют армией, им подчинены все прочие магистраты, они созывают народное собрание и сенат, докладывая последнему все основные дела. Историк особо подчеркивает независимость консула в военных условиях, однако общая характеристика скорее показывает, что связь с царским империем была уже фактически утрачена.

По справедливому мнению К. фон Фрица, детально исследовавшего схему Полибия, наименее определенными оказываются права и полномочия сената⁶. Историк подчеркивает роль сената в формировании бюджета и проведении любых денежных операций, сенат также ведет дипломатическими переговорами и расследует и наказывает крупные преступления (*Ibid.*, VI, 13). Многие важные права сената, такие как право предварительного рассмотрения законопроектов и контроль над магистратами, Полибий не упоминает, и хотя полномочия сената достаточно велики, это описание не дает нам оснований считать его одной из ветвей власти. Нам еще предстоит остановиться на причинах этого явления, одной из которых можно считать неформальный и экстралегальный характер сенатской власти.

Напротив, народное собрание оказывается вполне полномочным органом управления. Народ принимает законы и решает вопросы войны и мира, он же ведает награждением и наказаниями, а также (Полибий особенно подчеркивает именно это обстоятельство) выполняет функции высшего криминального суда. «Судя по этому, – считает Полибий, – всякий вправе сказать, что в римском государстве народу принадлежит важнейшая доля в управлении, и что оно – демократия» (*Polyb.*, VI, 14).

Последующие рассуждения касаются проблемы взаимозависимости властей. Магистрат является полным хозяином в армии, однако сенат отвечает за ее материальное снабжение и имеет право продлить срок пребывания командующего в должности или дать ему ту или иную награду. Народ решает вопросы войны и мира и требует от консулов отчета по окончании их пребывания в должности (*Ibid.*, VI, 15). Что касается народа и сената, то Полибий пишет о праве комиций утверждать (или не утверждать) решения сената, особенно тогда, когда народные трибуны налагают вето на эти решения (*Ibid.*, VI, 16). Более неопределенной является зависимость народа от сената, и, как пишет К. фон Фриц: «он (Полибий – А.Е.) не упоминает о каком-либо ограничении прав народа в его официальных собраниях, но только говорит об индивидуальной зависимости большинства людей от доброй воли сената и консулов...»⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что народ (или народное собрание) играет очень большую роль в теоретическом построении Полибия. Говоря совре-

---

⁶ *Фон Фриц К.* Теория смешанной конституции... С. 177-179.

⁷ *Фон Фриц К.* Теория смешанной конституции... С. 176.

менным языком, он является «первой», т.е. законодательной властью, решает вопросы войны и мира и выполняет функции верховного апелляционного суда, вместе с тем, имея определенные контрольные функции по отношению к магистратам. Юридически решение народа стоит выше, чем постановление сената и не может быть отменено решением какой-либо иной инстанции, тогда как сенатусконсулт может быть отменен решением народа или даже стать объектом трибунского вето (Polyb., VI, 16).

Теория Полибия подверглась резкой критике в историографии, причем, наиболее суровыми из оппонентов стали два выдающихся исследователя, Т. Моммзен, критиковавший Полибия с позиции римских реалий, и К. фон Фриц, анализировавший его концепцию с точки зрения изучения античных политических теорий. Высоко оценивая Полибия как историка и философа истории и с большим уважением говоря о его знаниях и политическом опыте⁸, Т. Моммзен весьма скептически относится к его схеме, считая, что греческий историк существенно упрощает самый сложный исторический материал, трактуя его так, «как если бы имел дело с механической проблемой»⁹. «Можно ли представить себе более наивную политическую конструкцию, – продолжает выдающийся немецкий историк, – когда превосходная государственная конституция выводится из разумного смешения монархических, аристократических и демократических элементов, а успехи Рима – из совершенства этой конституции»¹⁰. Эту же мысль повторяет К. фон Фриц, который, в отличие от Т. Моммзена, достаточно низко оценивает как интеллектуальные данные, так и эрудицию, и политический опыт Полибия. Согласно его мнению, теория Полибия является результатом неправильного понимания теории Платона и Аристотеля, с которой ахейский историк был знаком в лучшем случае поверхностно¹¹. Более того, это весьма спорное и имеющее несомненные дефекты построение, автором которого можно считать уже самого Полибия, столкнулось с очень сложным и непонятным для грека миром римской государственности, а потому и осталось чисто теоретической философской конструкцией, не имеющей отношения к реалиям политической жизни Рима¹².

Современная историография, о чем будет сказано ниже, относится к теории Полибия гораздо более терпимо, однако сейчас мы позволим себе сделать несколько предварительных замечаний. На наш взгляд, «трехчленная схема» Полибия является переводом (хотя, возможно, и не совсем адекватным) на

⁸ Моммзен Т. История Рима. М.-Л., 1937. Т. 2. С. 419-422.

⁹ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 422.

¹⁰ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 423.

¹¹ Фон Фриц К. Теория смешанной конституции... С. 43, 53-55; 81-83.

¹² Фон Фриц К. Теория смешанной конституции... С. 91-93; 109-110; 172-173; 232; 352-356.

язык греческой политической мысли исконно римской «триады» – царская (позже магистратская) власть, сенат и народное собрание, а потому оснований для полного отказа от нее у нас нет. Вместе с тем, возможной «ошибкой» Полибия является представление о властной системе Рима как о некоем едином целом, отдельные части которого взаимодействуют между собой и достаточно органично делят полномочия, права и ответственность за принятые решения и их исполнение. Подобное представление, более характерное для греческого мира, также импонирует современному государственному праву с его четким разделением различных ветвей власти (законодательная, распорядительная, исполнительная и судебная), однако не вполне соответствует римским реалиям. Народное собрание, магистраты и особенно сенат не ограничивались какой-либо определенной сферой полномочий, а предпочитали вмешиваться во все дела, которые они считали нужными. Все они обладали как законодательными, так и исполнительными и судебными полномочиями, а в чисто теоретическом плане народ, сенат и даже магистраты могли брать на себя самостоятельное управление всеми (или большей частью) государственными делами. Народ (при помощи трибунов) мог управлять через избираемых им римских магистратов, то же самое мог сделать сенат, способный подчинить магистратов и поставить под контроль деятельность комиций, наконец, и магистраты могли превратить свою власть в постоянную и безапелляционную.

Как и Полибий, Цицерон считает Рим государством со «смешанной конституцией» и во многом повторяет оценки своего предшественника (Cic. De re p., I, 44, 68-46, 70). В обоих трактатах, «О государстве» и «О законах», знаменитый оратор довольно мало пишет о народе, что, возможно, есть и следствие фрагментарного характера дошедших до нас текстов обоих трактатов. В подробном очерке о магистратских полномочиях (функции консулов, преторов и цензоров) (Cic. De leg., III, 3, 6-8) и обязанности граждан подчиняться их решениям Цицерон подчеркивает две основные функции народного собрания, выборы магистратов и право провокации (ibid., III, 6-9). Магистраты также подчинены решениям сената: «Да покидают Город, справедливо ведут справедливые войны, оберегают союзников... да возвеличивают они славу народа и возвращаются домой с честью» (ibid., III, 3, 9). Цицерон признает за решениями сената самостоятельную юридическую силу (Ibid., III, 10; XII, 27) и осуждает тайное голосование (Ibid., III, 16, 35-17, 39), снижающее влияние сената и «лучших людей».

Цицерон идет дальше Полибия в своей оценке значения сената и видит в сенате и народе не просто «совет и народ», но два почти равноправных источника права и власти. Знаменитый оратор считает, что магистраты должны подчиняться не только народу, но и сенату, решения которого (видимо, практически по любому вопросу) имеют юридическую силу. В начале республи-

ки сенат и магистраты господствовали над народом, а «сенат управлял так, что хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть – решениями сената и по установившимся обычаям», а власть консулов «по правам и характеру царской» (Cic. De re p., II, 32, 56). Здесь же Цицерон пишет о знаменитой *auctoritas patrum*: «А то, что имело наибольшее значение для упрочнения могущества знати, соблюдалось строго, постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решениями «отцов» (Ibid.). К сожалению, исторический очерк Цицерона доведен (в имеющейся у нас части) только до децемвирата (Ibid., II, 37, 62). По всей вероятности, для последующего периода автор должен был отметить усиление власти народа, однако сенат едва ли утрачивал при этом свою власть. Характеризуя несколько идеализированный вариант «конституции», Цицерон пишет: «Его постановления да имеют силу, ибо положение таково: если сенат главенствует в решениях по делам государства, то всякое его постановление должны защищать все... это соразмерное и преисполненное согласия государственное устройство может держаться на основе такого распределения прав, когда власть принадлежит народу, а ответственность несет сенат» (Cic. De leg., III, 12, 28).

Теория «смешанного строя» является единственной теоретической моделью римского государственного устройства, которую мы встречаем в античной литературе. Примечательно, что у нас вообще мало юридической информации, определявшей полномочия органов власти, а поскольку Рим не имел конституции в современном смысле этого слова, властные функции любого органа (и особенно – сената) были во многом основаны на обычаях и традиции (*mos maiorum*) с одной стороны, и сложившейся реальной ситуации – с другой¹³. Наряду с этим, у нас есть огромная информация исторического характера, демонстрирующая римскую «конституцию» в действии. Иными словами, мы не обнаруживаем правовых документов, регламентирующих, предположим, полномочия сената в области дипломатии, но имеем десятки примеров его действий в конкретных ситуациях.

Для V – III вв. до н.э. мы имеем массовую информацию Тита Ливия, который заканчивает свою 10 книгу событиями 290 г. до н.э., далее мы имеем довольно значительную лауну для периода 290 – 218 гг., после чего следует огромный материал 3, 4 и 5 декад этого автора (книги 21-45), охватывающих время от 218 до 166 г. до н.э. Небольшой период 166 – 133 гг. также не представлен «массовым материалом», однако для эпохи гражданских войн 133 – 31 гг. до н.э. у нас есть не только данные современников, Цицерона и Сал-

¹³ Эволюция консулата в V – I вв. до н.э. более подробно рассмотрена в другой нашей статье. См. *Егоров А.Б., Васильев А.В.* Римское консульство V – I вв. до н.э. Традиции и эволюция // Мнемон. Вып. 7. СПб., 2008. С. 172-196.

люстия, но и серия биографий Плутарха и подробный цельный рассказ Аппиана. Мы называем лишь тех авторов, которые дают наиболее полные блоки информации относительно деятельности римских государственных органов, хотя определенная информация имеется и у других авторов. Следует заметить, что Ливий, Плутарх или Аппиан были историками, а не юристами, и могли пропускать подчас весьма важные сведения правового характера.

Первое впечатление, которое дает даже весьма поверхностный взгляд на данные источников, заключается в том, что в Риме, как и в любом постоянно воюющем государстве, обнаруживается очень высокая степень концентрации единоличной власти. Огромные полномочия обнаруживаются даже у высшего магистрата с империем, консула. Эти полномочия были весьма велики вплоть до времен Суллы и отчасти сохранились даже после его реформ. Т. Моммзен справедливо полагает, что консулы были наследниками царской власти, ограниченной, главным образом, лишь сроком и коллегиальностью¹⁴, а сама власть была универсальной и не ограничивалась какой-либо конкретной компетенцией. В силу простоты управленческой системы, консул V и даже IV вв. отвечал практически «за все», объединяя в своих руках функции командующего армией, главы гражданского управления и исполнительной власти, спикера сената, представителя власти перед народом и богами, а в ранние периоды даже роль цензора и верховного судьи¹⁵. Постепенно консулы теряли свои полномочия, однако вплоть до Суллы сумели сохранить их основу – военное командование, роль главы исполнительной власти и положение спикера сената¹⁶. В случаях крайней необходимости, власть с империем усиливалась за счет назначения диктатора, что оказалось весьма эффективным способом преодоления кризисов. По подсчетам В.В. Дементьевой, в первой декаде Ливия диктатура как метод отражения военной агрессии встречается свыше 30 раз¹⁷. К этому можно добавить около десятка диктатур для подавления мятежа (*seditionis sedandae*)¹⁸ и большое число диктатур *imminuto iure*, созданных для решения более конкретных вопросов (выборы, пополнение сената, акты религиозного ритуала и др.)¹⁹. Частое появление диктаторской власти и некоторые параллели в латинских и других городах многим ученым основания считать, что именно диктатура была главной властью эпохи ранней республики и формой перехода от царской власти к консуль-

¹⁴ *Mommsen T. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 179.*

¹⁵ См. *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tb. 1. Bd. 1. Berlin – New York, 1972. S. 158.*

¹⁶ См. *Егоров А.Б., Васильев А.В. Римское консульство... С. 180.*

¹⁷ *Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней римской республике (V – III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 45.*

¹⁸ *Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 108-116.*

¹⁹ *Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 49-58.*

ской²⁰, однако, на наш взгляд, для этого нет достаточных оснований, а диктатура была хотя и важной, но все же вспомогательной подпоркой для основной ординарной власти²¹. Справедливо и другое: как полагает В.В. Деметьева, римская диктатура является прямым порождением царской власти и могла существовать лишь в обществе с очень сильными традициями монархического режима²². Консульство и диктатура были не единственными магистратурами, проявлявшими стремление к независимости. Появившиеся в 443 г. цензоры (Liv. IV, 8) имели практически безапелляционную власть при выполнении столь важной функции как составление списков граждан, военнообязанных, а также – всадников и сената²³, а вето одного народного трибуна могло парализовать деятельность сената и всех магистратских коллегий.

Впрочем, конституционные возможности казались явно недостаточными. Римляне постоянно воевали, и выдающиеся, а иногда и гениальные римские полководцы играли огромную роль в победоносных войнах. Для достижения победы им требовались не только собственные дарования и высокие качества и преданность войск, но и большая, а зачастую и весьма длительная концентрация власти. Победитель Вей, защитник Рима от галльского нашествия, организатор побед над этрусками, эквами и вольсками и творец военной реформы М. Фурий Камилл, был военным трибуном 403, 401, 399, 386, 384 и 381 гг. и диктатором 396, 390, 389 и, возможно, 368-367 гг. Войны 60 – 40-х гг. IV века выдвинули таких полководцев как Г. Сульпиций Петик (консул 364, 361, 355, 353 и 351 гг. и диктатор 358 г.) и М. Валерий Корв (консул 348, 346, 343, 335, 300 и 299 гг. и диктатор 342 г.), а победа плебейской знати в борьбе за магистратуры связана с именами таких политических и военных деятелей как Г. Марций Рутил (консул 357, 352, 344 и 342 гг. и диктатор 356 г.) и Кв. Публилий Филон (консул 339, 327, 320 и 315 гг. и диктатор 339 г.).

Новые примеры концентрации власти предоставили Самнитские и Пунические войны. Героем Второй Самнитской войны, остановившим наступление самнитских армий после поражения римлян в Кавдинском ущелье (321 г.) стал консул 326, 320, 319, 315 и 313 гг. и диктатор 325 и 310 гг. Л. Папирий Курсор, а победителем в решающих битвах Второй и Третьей Самнитских войн – Кв. Фабий Максим Руллиан, консул 325, 310, 308, 297 и 295 гг. и диктатор 315 г., не раз командующий армиями и в качестве проконсула. В годы Второй Пунической войны, главной войны III – II вв. до н.э., Ганниба-

²⁰ Подобный обзор мнений см.: Деметьева В.В. Магистратура диктатора... С. 27-34.

²¹ Подробнее этот вопрос рассмотрен в другой статье. См. Егоров А.Б., Васильев А.В. Римское консульство... С. 176-180.

²² Деметьева В.В. Магистратура диктатора... С. 34-38.

²³ Подробнее о цензорах и цензуре см. Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985. С. 8-12; Suolachti J. The Roman Censors: A Study on Social Structure. Helsinki, 1963. P. 32-40.

ла и его союзников остановили не только численность и упорство римских армий, но и выдающиеся военные дарования римских полководцев. Трое из них сражались в Италии. Диктатор 221 и 217 гг. Кв. Фабий Максим Веррукоз, «муж спасший Рим своим промедлением» (Enn. Ann., 370-372) был консулом 222, 215, 214, 210 и 208 гг. Есть основания предполагать, что именно Фабий стал тем «начальником Генерального штаба», в который превратился римский сенат, и именно он инициировал наиболее важные поворотные решения. Знаменитый победитель Сиракуз, М. Клавдий Марцелл, был консулом 222, 215, 214, 210 и 208 гг., а взявший Капую Кв. Фульвий Флакк – консулом 237, 224, 212 и 209 гг. и диктатором 210 г. В промежутках между должностями все трое продолжали командовать армиями, получая от сената статус проконсулов. Четвертый выдающийся полководец, П. Корнелий Сципион Африканский Старший, был проконсулом Испании в 210-206 гг., стал консулом 206 г. и проконсулом Африки в 205-201 гг. В 199 г. Сципион стал принцепсом сената и был им до своей смерти (184 г.), в 194 г. он снова получил консульство, а в 191-190 гг. был легатом своего брата Луция в войне с Антиохом III.

В 202 г. в Риме был назначен последний диктатор, роль консулов в военных вопросах постепенно падала. На их место приходили проконсулы. Эта должность была эпизодической в эпоху Самнитских войн, приобрела немалое значение во время Второй Пунической войны и войн 90-60 гг. II века до н.э. и стала постоянной после образования системы провинций.

Значение магистратской власти существенно выросло в I веке до н.э., а время после Суллы стало «золотым веком» проконсульской власти. Марий был консулом 107, 104, 103, 102, 101, 100 и 86 гг., Цинна занимал эту должность в 87, 86, 85 и 84 гг., Папирий Карбон – в 85, 84 и 82 гг. Марианцы создали сильную независимую власть консула, которая могла стать центром власти альтернативным по отношению к по-прежнему всемогущему сенату. Это развитие было прервано Суллой, впрочем, открывшим другой канал эскалации единоличной власти. Сам Сулла был легатом преторского ранга в Союзнической войне (90-88 гг.) и именно эта война сделала его одним из ведущих полководцев Рима. В 88 г. он стал консулом, в 87-82 гг. был проконсулом в войне с Митридатом, а после гражданской войны 83-82 гг. стал диктатором (81-80 гг.), на 80 год приходится его второе консульство. Кв. Цецилий Метелл Пий был консулом 80 г. и проконсулом в Испании в 79-71 гг., а Л. Лициний Лукулл – проконсулом 73-67 гг. Абсолютный рекорд поставил Гней Помпей. В 82-79 гг. он был легатом Суллы, в 78 г. получил чрезвычайные полномочия в войне с Лепидом, в 77-71 гг. был проконсулом Испании. В 70 г. Помпей получил свое первое консульство, в 67 г. – командование в войне с пиратами, в 66-62 гг. имел высший военный империй на востоке. В 55 г. Помпей снова стал консулом, в 54 г. – проконсулом Испании, в 52 г. – консулом sine

collegae, а в 49 г. получил полномочия главнокомандующего в войне с Цезарем. Наконец, сам Юлий Цезарь стал консулом в 59 г., был проконсулом Галлии в 58-50 гг., снова стал консулом 48 г., а после победы при Фарсале последовательно получил несколько диктатур, последняя из которых (конец 45 или начало 44 гг.) была пожизненной.

Наряду с этой огромной властью магистратов в Риме существовала другая, вероятно, не менее сильная власть – сенатская. Борьба патрициев и плебеев в V – III вв. до н.э. в изображении нашего основного источника, Тита Ливия, предстает перед нами как народное движение, возглавляемое собственными лидерами, вначале – народными трибунами, а затем и плебейскими магистратами, против правящей знати, сконцентрированной вокруг патрицианского сената (см. напр. Liv., II, 21-27; 30-32; 42-43; 48; 54-57; 64-65; III, 12-14; 24; 29-31; 52-53; 66-69; IV, 25; 53; 55; V, 2-7; 10-12; 22-25; 29-30; VI, II; 14-20; 27; 31; 35; 37-41).

Борьба патрициев и плебеев идет на спад после принятия законов Лициния-Секстия (376-367 гг.) (Ibid., VI, 35-42; VII, I) и завершается в 287 г. законом Гортензия. В это время, по мнению М.В. Белкина, традиционное деление сената на *patres* и *conscripti*, т.е. – патрициев и плебеев, было заменено на иерархию, основой которой была последняя занимаемая должность²⁴. Совет родовой знати начинает превращаться в совет бывших магистратов. Меняется и тональность Ливия: он еще признает традицию сената периода сословной борьбы (Liv., VII, 12; 21-22; VIII, 12; Erit., 12), но уже создает новый образ руководящей силы республики, особенно проявившей себя в начавшихся больших войнах за гегемонию в Италии и Западном Средиземноморье (Liv., VI, 30, 3; VII, 6, 7; 19, 4-8; 22, 4-5; 25-26; 30-32; VIII, 1-2; 5-6; 13, 10-18; 14-16; 19; 23, 1-9; IX, 10, 1-3; X, 12, 1-3; 21, 7-11; 45, 4-5). Становящиеся все более сложными и ответственными переговоры с союзниками и противниками, назначения командующих, координация их действий, набор войск, награждение победителей и определение судьбы побежденных – таков весьма неполный перечень функций сената, ставшего, по определению М.В. Белкина, руководящей силой республики и оплотом новой служилой патрицианско-плебейской знати²⁵.

Образ этого сената развивается в историографии войны с Пирром (Plut. Pyrr., 16-28; App. Samn., 10-11; Dion Hal., XIX, 13-18; XX, 6; Liv. Erit., 13)²⁶ описании Первой и Второй Пунических войн у Полибия (Polyb., I, 20; 41;

²⁴ Белкин М.В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI – IV вв. до н.э. Проблемы эволюции (автореферат диссертации). СПб., 1997. С. 18.

²⁵ Белкин М.В. Римский сенат... С. 18.

²⁶ Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004. С. 237-258.

II, 8; III, 16; 20; 85, 10; 86, 7; 87, 8; 97, 1-3) и особенно в ливиевом описании Второй Пунической войны, победителями в которой были не только Фабий, Марцелл и Сципион, но и «коллективный гений» римского сената, с которыми согласовывались все действия этих военачальников. В годы войны сенат превратился в своего рода «генеральный штаб», координировавший действия римских армий на огромной территории от Лузитании до Греции. Практически ежегодно сенат распределял войска и давал поручения полководцам (Liv., XXI, 17, 3; XXII, 8, 7; II, 1-2; 55; XXIII, 25, 1-10; 31, 1-6; 32, 13-20; 34, 10-15; XXIV, 10, 1-5; II, 1-9; XXV, 5, 5-9; XXVI, 1-2; 28; 32, 6-7; XXVII, 7, 7-17; 22; 3, 10-14; XXVIII, 9, 2; 10, 8-15; XXIX, 13; 15, 1-16, 3; XXX, 1-2; 27, 1-9; 38, 6-7; 40, 7-9; 41, 4-9), которые постоянно посылали ему донесения и отчитывались в проделанной работе (Liv., XXII, I, 5; 7, 14; 56. 6-8; XXIII, 21, 1-4; XXVII, 2, 1-2; 43, 8-10; 51, 1-8; XXVIII, 38, 1-5; 38, 14; XXX, 40, 1-3). Меняется и характер войны: V – IV вв. до н.э. велись, как правило, двумя консульскими армиями, тогда как в 215-213 гг. армией одновременно командовали два консула, три – четыре претора и шесть – семь проконсулов и пропреторов (Liv., XXIII, 30, 18-19; 32, 13-20; XXIV, 9-10; 44, 1; XXV, 3, 1-7). Координировать действия этой огромной армии (23-25 легионов), разбросанной по Италии, Испании, Сицилии и Греции и разделенной на 10-12 корпусов во главе с отдельным военачальником, было под силу только сенату. Он же обеспечивая дипломатическое прикрытие и религиозное «обеспечение» войны.

В эпоху великих завоеваний сенат сохранял контроль над магистратами и постепенно превращался в главный субъект в отношениях с союзниками и подданными, а с 60–50-х гг. II века в его ведение переходило устройство вновь завоеванных провинций и теперь уже полностью зависимых союзников (Liv. II, II, 1-14; X V, 17-18; 20, 4-25; 42, 4-5; Epit., 47-49; 52).

Наконец, историки, писавшие о I веке до н.э., показывают борьбу между сенатом и нобилитетом с одной стороны и различными антисенатскими силами, включавшими популяров, – с другой (Sall. Jug., 41; Hist., III, 48, 1 – 11; Cat., 37, 10; App. B.C., I, 1-6; 8-18; 23-27; 30; 32-33; 35-36; 38; 49; 55-56; 59; 64-66; 71-73; 77; 81-82; 95; 98-100; 105; II, 5-8; 10-16; 21-25; 29; 33-34; 48; 106; 110; 114-117; Plut. Tib. Gr., 10-14; G. Gr., 23-31; Sulla, 8-10; 20; 22-23; 28; 30-32; Luc., 5; 34; 38; 42; Crass, 7; 14-16; Sert., 5-6; Pomp., 6; 10; 16; 22; 25; 30; 46-49; 52; 54; 58-60; 65; Caes., I; 3; 5-6; 8-10; 13-14; 20; 28-30; 34; 67; Cato min., 21; 26; 28; 30-34; 42; 44; 50; Cic., 9-13; 18; 30-31; 33; Brut, 4; 19; Ant., 1; 5; 9; 15-16).

I век стал временем общего «восстания» против сенатского правления. Первые удары нанесли народные трибуны, поддержанные народным собранием. Серия гракханских реформ (Plut. G. Gr., 25-29; App. B.C., I, 21-25), законы Апулея Сатурнина (App. B.C., I, 30), Ливия Друза (Ibid., I, 35), а позже – Сульпиция Руфа (Ibid., I, 55-56) были обширной программой преобразо-

вания общества и принималась либо без санкции сената, либо, во всяком случае, против его воли. Сенат сопротивлялся, перейдя к насилию. В 133 г. сенаторы учинили расправу над Тиберием Гракхом, в 121 г. на основании «крайнего решения», сенат учинил еще более кровавую расправу над Гаем Гракхом, а в 100 г. повторил это с Апулеем Сатурнином. В 88 г. военный переворот Суллы отменил законы Сульпиция, а победивший консул запретил передавать в комиции любое предложение, которое не получило одобрения в сенате (App. В.С., I, 59). После смерти Суллы эта практика возрождается снова.

Впрочем, главным было то, что во главе нового широкого движения, объединившего не только народные массы, но и всадничество, деловые круги и даже часть сенаторов и нобилей, встал военный лидер, Гай Марий, а серия его консульств стала первой военной диктатурой в истории Рима. После Союзнической войны (91-88 гг.) кризис принял обвальнй характер, а гражданские войны 80-х гг. и марианские консульства способствовали развитию системы военных диктатур. Марианцы попытались создать консульскую власть, независимую от сената.

Победа Суллы положила конец этой идее. После жесточайших репрессий, диктатор провел ряд консервативных реформ, узаконивших все права сената, подчинивших ему магистратскую власть и фактически лишивших народ возможности рассматривать вопросы, не одобренные сенатом. Хотя реальное господство сулланского и постсулланского сената продолжалось вплоть до времени Цезаря, оппозиция начала требовать отмены сулланских порядков уже сразу после смерти Суллы. В 70 г. основные реформы диктатора были отменены, а 70–60-е гг. стали временем выдвижения Помпея, ставшего самым значительным военачальником этого периода, равно как и олицетворением новой политики компромисса.

На рубеже 60-59 гг. началась новая консолидация оппозиционных сил, завершившаяся в 60-59 гг. после образования первого триумvirата. 50-е гг. стали временем относительного равновесия между «сенатской партией» и ее противниками, а гражданская война 49-45 гг. и диктатура Цезаря стали временем краха власти нобилитета и новой страницей в истории сената.

На основе всей этой сложной и противоречивой информации появляется несколько теорий римского государственного устройства. Согласно теории Т. Моммзена, вся римская история может рассматриваться как постепенная эволюция единой конституционной системы, которая проходит три стадии развития: царство (*regnum*), время республики и принципат²⁷. Уже при первых реках формируется созданная еще родовым строем система «трех властей», народного собрания, царской власти и совета старейшин (сената). В разные периоды истории Рима соотношение этих властей меняется, однако все они

---

²⁷ *Mommsen T. Römische Staatsrecht... Bd. 2. S. 177.*

продолжают сохраняться. В эпоху царей доминировал царский империй, претерпевший опасное усиление при первых этрусских правителях²⁸, но ликвидированный в результате переворота, а его наследником стала власть римских магистратов, прежде всего – консулов. С точки зрения Т. Моммзена, империй магистратов оставался империем царей, ограниченным не изнутри, а извне – властью народа и сената и полномочиями других должностных лиц²⁹.

Главные магистраты, консулы, а затем и большинство других (цензоры, эдилы и квесторы) были выборными, что привело Т. Моммзена к признанию принципа народного суверенитета, однако он не уделяет последнему особого внимания. Напротив, сенат формально оставался консультативным органом при магистратах, основной функцией которого оставался *consilium*, а его реальное полномочие явилось результатом экстралегальных факторов, огромного авторитета, а отчасти и правовой узурпации. Создание территориальной державы и кризис I века привели к новому возрождению монархической власти³⁰ и установлению принципата, впрочем, сохранившего «двоевластие» императора и сената вплоть до «великой правовой революции» Диоклетиана.

Теория Т. Моммзена встретила критику по двум линиям. Во-первых, многие исследователи склонны отрицать прямую связь между царской и консульской (и даже диктаторской) властью³¹, считая последнюю не измененным империем Рексов, а новой исполнительной властью республики. Во-вторых, что, несомненно, является главным, большинство критиков Т. Моммзена склонны считать сенат полномочными правительством республики и ее символом, а магистратов – починенной ему исполнительной властью. К. фон Фриц, сам являвшийся сторонником этой теории, делит ее представителей на две группы. Представители первой считают, что «в Риме республиканского периода существовал просто олигархический режим, а при Империи – монархи-

---

²⁸ Этот тезис был подробно рассмотрен Э. Гьерстадом, видевшим в этрусской монархии аналог «старшей тирании» в Греции. См. *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation...* S. 158.

²⁹ *Mommsen T. Römische Staatsrecht...* Bd. 2. S. 170-177.

³⁰ *Моммзен Т. История Рима.* СПб., 1996. Т. 3. С. 324-327: «Одним словом, эта новая власть императора была ничем иным, как восстановленной царской властью древнейшей эпохи, т.к. именно эти ограничения в отношении времени и места пользования властью, коллегиальность и в известных случаях сотрудничество сената или общины и отличали консула от царя» (С. 325).

³¹ Подробный обзор взглядов исследователей на проблему формирования консульской власти см. *Коптев А.В.* К истокам римского консулата // *Studia historica VII.* М., 2007. С. 55-62. См также: *Егоров А.Б., Васильев А.В.* Римское консульство... С. 175-180. Нам особенно интересно то, что мы с уважаемым коллегой пришли к одному и тому же выводу независимо друг от друга и двигаясь к решению этой проблемы с разных направлений.

ческий, что бы ни говорила по этому поводу официальная теория в тот или иной период»³², тогда как представители другого допускают, что в определенные (обычно – срединные) периоды в Риме могло существовать нечто близкое к системе «сдержек и противовесов» или, по крайней мере, некий вариант равновесия «трех властей»³³.

Второй теорией, постепенно вытеснившей теорию Т. Моммзена, стала теория «сенатской» или «аристократической» республики или, как ее часто именуют, «республики нобилей». Вероятно, ее основоположником можно считать П. Виллемса³⁴, и в дальнейшем господствующей стала именно она³⁵. Согласно этой теории, именно сенат стал полновластным правительством республики. Классическим примером этой теории можно считать концепцию С.И. Ковалева. Свержение царской власти привело к власти патрицианскую знать, монополизировавшую консульские должности и доминировавшую в сенате³⁶. После ликвидации буфера в виде патриархальной монархии и пережитков племенного демократизма, патрициат окончательно превратился в привилегированную аристократию. Борьба патрициев и плебеев (V – нач. III вв. до н.э.) ликвидировала олигархическую республику патрициев и создала основу развития Рима как демократического полиса³⁷. Плебеи достигли многого: они (по крайней мере, юридически) добились политического и гражданского равенства, смягчения аграрного вопроса и древнего долгового права и, наконец, доступа ко всем магистратурам и мест в сенате. Последние привилегии получили только представители плебейской верхушки, а на место старой родовой знати пришла новая служилая знать, нобилитет, образовавшаяся в результате слияния плебейской элиты и патрицианской аристократии³⁸. Нобилитет удерживал в своих руках магистратуры, сенат был цитаделью «новой аристократии» и руководящим органом республики, а Рим так и не стал демократическим государством³⁹.

Только в эпоху гражданских войн сенатская олигархическая республика нобилей рухнула под бременем новых проблем великой державы и ударов

³² *Фон Фриц К.* Теория смешанной конституции... С. 199.

³³ *Фон Фриц К.* Теория смешанной конституции... С. 199.

³⁴ *Willems P.* Le Senat de la republique Romaine. Т. I-II. Paris, 1858–1883.

³⁵ Подробный обзор историографии по вопросу о суверенитете римского народа см. *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 83-85. Другое мнение см. напр. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. Т. 1. С. 44

³⁶ *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 77.

³⁷ *Beloch K.J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Berlin-Leipzig, 1926. S. 1-62; *Palmer R.E.A.* The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970. P. 243-253; *Heurgon J.* The Rise of Rome. London, 1973. P. 110-112.

³⁸ *Ковалев С.И.* История Рима. С. 77.

³⁹ *Ковалев С.И.* История Рима. С. 98-99.

различных политических сил от демократов типа Гракхов или демагогов-популистов типа Клодия до таких военных лидеров, как Марий и Цезарь⁴⁰. Вероятно, только при Гракхах перед Римом возникла демократическая перспектива, однако огромная держава пошла по пути военной монархии.

На наш взгляд, сторонникам теории «сенатской республики» удалось доказать несколько бесспорных положений. Во-первых, сенат был не просто советом при магистратах или (подобно афинскому буле) органом предварительного рассмотрения текущих вопросов, что само по себе давало ему немалые возможности⁴¹, но имел собственные правовые полномочия. Как полагает один из главных критиков Т. Моммзена В. Кункель, сенатусконсулт был неоспоримым юридическим актом обязательным для исполнения не только гражданами и подданными, но и магистратами, и, если для современных ученых решение сената является проблемой, то для римлян это было руководство к действию. Роль сената всегда резко возрастала в кризисные периоды, и неудивительно, что расцвет сенатского могущества был связан со Второй Пунической войной, самой тяжелой войной Рима. После этой победы именно сенат взял на себя бремя сложных дипломатических отношений с государствами Средиземноморья и эллинистического мира, а после образования новых провинций в 40–30-е гг. II века и задачи управления огромной державой. Не следует забывать и функцию *interregnum*, т.е. сохранения континуитета царской, а затем и магистратской власти. Сенат мог превратиться и в «избирательную комиссию»: он решал вопрос о выборах военных трибунов с консулярной властью, назначал междуцарствие и решал вопрос о введении диктатуры.

Наконец, третьим, также безусловно доказанным положением является то, что во главе сената стояла римская аристократия, вначале патрицианская, а затем – патрицианско-плебейская. Как справедливо заметил К. фон Фриц, сенатская республика еще не означает аристократическую республику⁴², однако в условиях Рима знать действительно руководила сенатом, вокруг которого концентрировалась римская аристократия в любой исторический период⁴³.

Ни теория Т. Моммзена, ни теория «сенатской республики» не уделяют большого внимания роли народного собрания. Если одни исследователи, как сам Т. Моммзен, считают возможным говорить о народном суверенитете как о формальном институте римской политической системы, то другие (как

---

⁴⁰ Ковалев С.И. История Рима. С. 102-103.

⁴¹ Ковалев С.И. История Рима. С. 101-103.

⁴² См. Белкин М.В. Римский сенат... С. 14.

⁴³ Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin – New-York, 1972. S. 15-20.

С.Л. Утченко) отвергают даже это. Между тем, в сравнительно недавнее время происходит определенный поворот в сторону признания «демократической составляющей» римской системы и более терпимого отношения к схеме Полибия-Цицерона.

Ф. де Мартино считает, что народное собрание имело определенное значение еще во времена царей и ранней республики, и сбрасывать со счетов этот демократический фактор было бы невозможно⁴⁴. Еще более последовательно отстаивает эту точку зрения Э. Линтотт. Он указывает, что в последнее время (исследования Кл. Николе, Ф. Миллара, П. Брюнта и др.)⁴⁵, ученые склонны считать, что Полибий дал вполне адекватную картину римской политической системы, Римская республика была государством со «смешанной» формой конституции, а «правлящий класс не мог обращаться с государством как со своей собственностью»⁴⁶.

Как полагает Э. Линтотт, Аристотель скорее всего, называл бы римскую систему власти «смешанной», как это сделал Полибий, или объявил бы ее «умеренной демократией» или «умеренной олигархией», а власть в Риме не находилась в руках богатых или бедных. В политической жизни участвовали все римские граждане, но социальной опорой системы были не городские ремесленники и торговцы, а римское крестьянство⁴⁷. В ранний период Рим можно назвать олигархией, однако борьба патрициев и плебеев полностью изменила баланс власти: аристократия открыла свои ряды для внешних сил, а законы комиций одержали верх над традиционным правом аристократии: личность гражданина была ограждена от смертной казни и телесных наказаний, а *ius auxilii* трибунов перешло в право интерцессии и право законодательной инициативы. В 287 г. закон Гортензия фактически отменил *auctoritas patrum*, создав принцип народного суверенитета⁴⁸.

Народный суверенитет имел немало ограничений. Ими были преобладание зажиточных слоев в центуриатных комициях, трудность обеспечить паритет городских и сельских жителей в трибутных комициях и обязательная инициатива магистрата⁴⁹. Во II – I вв. до н.э. собрания не только принимали законы, но и решали вопросы гражданства, вывода колоний, налогообложения, социальной политики и религии, сохраняя также право войны и мира. Они оставались высшим судом по уголовным делам. Впрочем, в отличие от афинской экклесии, *populus Romanus* не заботился о деталях управления, военного дела и внешней

⁴⁴ *de Martino F.* *Intorno all' origini...* P. 218-232.

⁴⁵ *Crook D., Lintott A., Rawson E.* *Conclusion* // САН. 2-ed. V. IX. Oxford, 1996. P. 769-770.

⁴⁶ *Crook D., Lintott A., Rawson E.* *Conclusion...* P. 769-770.

⁴⁷ *Lintott A.* *Political History*, 146 – 95 // САН. 2 ed. V. IX. Oxford, 1996. P. 43.

⁴⁸ *Lintott A.* *Political History*, 146 – 95... P. 41-43.

⁴⁹ *Lintott A.* *Political History*, 146 – 95... P. 43.

политики⁵⁰. Знать ограничивала власть народа своим могуществом, а факторы конфронтации сочетались с желанием компромисса⁵¹.

Уже рассмотрение политических теорий позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Конечно, ни античные авторы, ни последующая историография не считали Рим чистым вариантом демократии, резко отличая его от по-настоящему демократического общества типа Афин. Вместе с тем большинство тех, кто исследовал римскую «конституцию», признают наличие существенного демократического элемента в этой системе. Оценки весьма различны: для античных авторов это скорее – часть общей конституционной структуры, Т. Моммзен видел в комициях формального суверена, лишенного реальных властных полномочий, другие ученые скорее рассматривали республиканский строй как некий дуализм сената и народа. Наконец, современные ученые все больше и больше видят в Риме весьма серьезную демократическую основу, причем, не только в праве, но и в реальной жизни.

Власть комиций ограничивалась огромными полномочиями сената, как экстралегальными, так и правовыми, и сильной, независимой магистратской власти. Если при реальной демократии государственный совет и должностные лица были исполнителями воли народа, избранными им самим, то римская система не предусматривала реального контроля комиций над магистратами, равно как и серьезной возможности контролировать деятельность сената. Для дальнейшего исследования этой темы необходимо более подробное рассмотрение данных о деятельности комиций.

Список использованной литературы

- Белкин М.В.* Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI – IV вв. до н.э. Проблемы эволюции (автореферат диссертации). СПб., 1997.
- Дементьева В.В.* Магистратура диктатора в ранней римской республике (V – III вв. до н.э.). Ярославль, 1996.
- Егоров А.Б., Васильев А.И.* Римское консульство V – I вв. до н.э. Традиции и эволюция // Мнемон. Вып. 7. СПб., 2008. С. 172-196.
- Заборовский Я.Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985.
- Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980.
- Казаров С.С.* Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004.
- Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986.
- Контев А.В.* К истокам римского консулата // *Studia historica* VII. М., 2007. С. 55-77.

---

⁵⁰ *Lintott A.* Political History, 146 – 95... P. 45.

⁵¹ *Lintott A.* Political History, 146 – 95... P. 52-53.

Моммзен Т. История Рима. М.-Л., 1937.

Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Фон Фриц К. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007.

Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. Т. 1. С. 22-105.

Beloch K.J. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Berlin-Leipzig, 1926.

Crook D., Lintott A., Rawson E. Conclusion // CAH. Vol. IX. 2 ed. Oxford, 1996. P. 769-770.

Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tb. 1. Bd. 1. Berlin – New York, 1972. S. 136-188.

Hellegouarch J. Le vocabulaire latin des relation et des parties politiaques sous la re-publique. Paris, 1963.

Heurgon J. The Rise of Rome. London, 1973.

Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin – New-York, 1972. S. 3-22.

Lintott A. The crisis of The Republic: sources and source-problems // CAH. Vol. 9. 2 ed. Cambridge, 1996. P. 1-15.

Meyer Chr. Res publica amissa. Weisbaden, 1966.

Mommsen T. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1887.

Palmer R.E.A. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.

Suolachti J. The Roman Censors: A Study on Social Structure. Helsinki, 1963.

Willems P. Le Senat de la republique Romaine. T. 1-2. Paris, 1858-1883.

